

ПЕСНИ П. А. САМАРИНА-КВАШНИНА

ПЕСНЯ

Светь моя, милоя-дарогая,
не дала мнѣ на себѣ наглѣдетца,
на хорошей-прекрасной лик насмотретца.
Поиду ли я в чисто поля гуляти,
найду ли я мастера-живописца,
я велю списать образ, ей, на бумаге,
хорошей-прекрасной ликъ на персонѣ¹.
Поставлю я во светлую светлицу.
Какъ взойдет на меня тоска и кручина,
пойду ли я в *светлую* светлицу,—
Спасову образу помолюся,
на персуну мила друга насмотрюся,
убудет тоски моей и кручины,
и великое чежелое възрыданье.

* * *

Не по лѣтнему солнышка на небѣ грѣть,
на всех красно солнышко обогрела,
одное меня, бѣдную, ознобила.
Ко всем милой другъ заежжаетъ,
он к одной ко мнѣ, бѣдной, не заедетъ,
а хотя онъ ко мнѣ и заедетъ,
он тайные мнѣ он не скажетъ.

¹ портрете.

* * *

Не голубка з голубем ворковала,
сестрица з братцом говорила.

Говоря сестрица з братцом,
стала-учела сестрица братца хвалити:
«Ой мой миленькой братецъ сердешной,
дружечикъ дорогой мой ненаглядной!
Как не могу на тебя, братецъ, насмотретца!
Хорош мой миленькой, что наливная яблонька,
пригошь молоденекъ мой милой, какъ маков цветочикъ,
молоденекъ мой братец, как ... вишенька.
Кали я тебя, братецъ, не вижу,
тогда я с тоски пропадаю.
Коли мнѣ будет по любимова братца поменути,
нельзя мнѣ по нем не вздохнути.
Крепкая моя дума и вѣрное он мое слово,
неизменная мая дружба».

Говоря сестрица з братцом.
стала сестрица жалобу творити:
«Тошно ль мне, братец, напраслину слыша
в напрасной небылицѣ.
Ой суди, Боже, кто нашему совѣту завидит
и меня, молоденьку, небыльными словами поносит,
кто хочет меня з братцем розлучити ... ,
не прибыль себѣ хочет учинити,
что меня оглашает или разлучити,
хотя же мнѣ огласку великую принять,
а от милова братца не отстати,
кручины же ...

... ходячи во садку,
взговорит слова плачючи,
чежело вздыхаючи:
«Адин был у сестрицы любимай дружечикъ,
ее сердешной братецъ,
и на милого-та напраслину взводят.
Ой, суди, Богъ, и *ненавистника* моего,
лихова злодея недруга,
кто меня небылицею оглашает,
а хочет меня он с милым братцем розлучити.
Да дай же мнѣ, Боже, напраслину терпети!

Хотя, де, мне, младенкѣ, и горько,
хотя же мнѣ и тошно,
и того уже мнѣ тем не отбыти,
что мнѣ братца избыти — не любити.
Воздай ему, Боже, а и по ево великой правдѣ,
и чтобы моему недругу по той правдѣ
с молодою женою век скоротати.
Ни буйны ветры с меня той напраслины не свѣяли,
ни вода с меня не слѣляла¹.
Ах, тошно ль бѣлой рыбицѣ бѣз воды,
тошнее ль тово терпеть и слышать напраснину,
... так что моя душа напраснины ...
была б моя правда пред Богом ...

* * *

На тихой на завади
воскликнула громко голосом
бела лебедь жалобно добрѣ,
тужила по белом лебеде,
что покинулъ ее белъ лебедь:
«Понялся мой бел лебедь с ыною лебедкою».

Во высоком тереме
сидит под окошечком красна девка,
ясны у ней очи заплаканы,
во слезах она взговорить,
насилу слова молвила,
и взговорить она слова плачючи:
«Ой, на свет, мой милой другъ
покинул меня, девицу!»

Ай, не павушка по двору ходила,
а не золото перье она ронила,
ходила девица красная,
во чисто поля смотрила:
«Дорого, дорого золота красное,
дороже чиста жемчюгу скатиста²,
дороже того мое милое, мое ненаглядное» ...

¹ не смыла; ² круглого, крупного.

* * *

Не сон меня, молодца, клонит,
не дрема меня изнимает,
изнимает меня кручина великая,
на житье свое горькое смотречи,
на бѣсчастье свое глядячи.
С той ли та моей кручины
исчеплялись¹ мои кудри,
болит моя буйная головушка.
Нихто молодца не любить,
всякъ ево ненавидит, беднова.
А и Богъ то их судит,
за што меня не любяют, молодца,
за што оглашают.
Никому я не грубителъ,
кромѣ слова ласкова
да поклона нискова.
Пойду ли я гуляти во чистое полѣ,
красные смотреть на цветочки,
размычу свою злую кручину
по чистому полю.

* * *

Жарко, жарко красно солнышко грѣть,
ясно, ясно светел месяцъ светит,
хорошо, хорошо мой милой другъ в чисто полѣ ездить.

* * *

Развейтѣ мою кручину, буйные ветры,
разсажу свою кручину по лазоревым цветочкам,
расти, моя кручина, по чистому полю,
цвети, моя кручина, пустым пустоцветом, травую лихою.

¹ сваялись.

* * *

Прилѣтала ко молодцу птичка,
приносила ко к нему вестку,
а вестка злу досадна,
сказала мнѣ про милова, про друга,
что мила другъ не можетъ ...

* * *

Износишь свою молодость для друга, для милова,
истаскалъ красоту свою.
Многа та гулена, многа та видена,
такова та друга не наживана,
какъ мой миленкой.
Краше была краснова золота,
дороже был чистова жемчюгу,
нраву былъ послушного,
слова был утешного,
очами был, какъ ясен сокол,
лицом онъ был, какъ белой снегъ,
черны кудри шапкою.
Оставайся, мой милой другъ,
розживайся, мой недругъ!

* * *

Ой, сахар мой, сахар, бѣл крупичетой, канарской!
Хто тебя станет кушать — насладит свою душу.
Ой, бархот мой, бархот, ¹червчетой венецейской!
Хто тебя будет насити — в тебѣ будет красаватца.
Ой, свѣт мой, друк сердечной, душа моя надѣжа!
Хто тебя станет любить, хто твоею будет слыти—
всегда станет веселитца, сердцемъ в радости жити.
Настругаль ты, мой сердечный друг, стружекъ
ис калѣновых стрелакъ
и разклат из нихъ огникъ² на моих бѣлых грудех;
и загарелася искра к ретиву сердцу блиска.

¹—¹ багряный венецианский; ² костер.

Гарит мое сердца во моем бѣлом тѣле,
палить мою душу день и ночь непрестана,
па тебѣ, мая надѣжа, животъ мой сакрушается,
и со слез, мой друкъ сердешной, ясны очи памутились,
са вздыханья, мой надежа, ретиво сердце натъселась.
Али то тебѣ, друг, годна, что меня умарити?
И тебѣ, мая надѣжа, ни хитро то учинити,
лише бы Богу не дати ли тебѣ в том ответу,
что меня умарити бѣ-своего привету.

А кали меня избудешъ, и либо па мнѣ патужишь,
и тагда, мой надѣжа, той печалью не пасабишь.
Умились ты нада мною,
чтоб всегда была я с табою,
и тагда бы я, младенька, непрестана веселилась,
и с табою б, мой светок, я всегда бы утешалось.
И мая бы злая кручина в веселья превратилась,
а та уже меня кручина да *канца* сакрушила
и меня, маладенку, с умом разлучила.
Только моего и веселья, кали я с табой увижусь,
а кали ты отъедешъ ...

* * *

Не ясен сокол летает,
ай, не маков красной цветъ рано расцвѣтаеть,
мой миленкай дружечикъ ранешенко встает.
Не лехкой заечикъ протѣкаетъ,
красна девица из терема поглядываетъ,
своего мила друга посматриваетъ.
Не зелена трава зелѣнѣетца,
душа-девица усмѣхаетца.
Не тиха дождь опускаетца,
не пава-птица воскликнула,
красна девица слово промолвила:
«Ой, светъ же мой, доброй молодець!
За што на меня, красну девку, бѣзвинно разкручинилс,
Ко мнѣ не ходишь, не любишь, не жалуешь?
Или хто тебѣ обнес лихим словом,
или хто огласил бѣзделицею,
или кто меня с тобою смутил ссорою великою?»

Ой, суди, Богъ, неприятеля, кто смутил с тобою нас!
Или я не любила тебя, друга милова,
про тебя что говаривала,
чем поносила тебя, мила друга?
Была я тебѣ, другу, ни в чем не ослушница.
Когда ты был, мой миленькой, на дальнѣй на службѣ государевой,
тогда я с тоски убивалася,
и со слез мои очи помутилися,
и ретиво сердцѣ по тебѣ я надорвала,
и заочно по тебе, другъ сердечной, я умирала.
Нынѣ я сама вижю, что на меня и ты розкручинился ...»

* * *

Как изсохла трава-былиночка осенью.
Не воркуй, голубчик, над своею голубкою, во голубенке сидечи,
не давай мнѣ *назолы*¹, краснай девицѣ.
А и так мнѣ, девицѣ, тошно по миленьком дружочке,
что, живши со мною, другъ меня да покинул.
Со кручины мнѣ, *молоде*, со кручины пропадаю,
с таски мнѣ по моем друге засохло мое ретивое сердце,
помутились мои ясные очи,
выступил румянец из моего из бѣла лица,
со вздыханья ль живот мой надорвался.
Жалела я милово, какъ свою душу в лѣпом² телѣ.
Государя люди добрые!
Ой, суди, Богъ, моего неприятеля,
кто смутил меня с милым другом!
Не велику прибыль себѣ получает
мой миленькой, лиша меня надсажает.
Кабы знала немилость к себѣ друга милова,
не тужила бы я по милом друге,
не надрывала бы своего ретива сердца,
не открывала бы я ему всей тайны своей,
А и нынечи миленькой мнѣ же насмѣхаетца,
оглашает меня небылицею!
Поиду ль, младенка, со печали я либа постригуся,
со великие кручины посхимлюся,
или я, младенка, утоплюся.

¹ досады, огорченья; ² красивом.

А коли меня ты покинешь,
и сам ты загинешь.
Не тужи ...

* * *

Ай, не красной цвет рано увядает, засыхаетъ,
у мила любовь угасаетъ.

Ай, не селезень от утицы отлѣтаетъ,
мил сердешной другъ от меня отъежжает.

Ой, не голубица да от голубя отлетела,
от меня милова любовь отдалела.

Не знаю я, молодец, вины своей, не ведаю,
за что друг разкручинился,
ай, держит на меня великой гнев,

Не может меня, миленкой, нынѣ навидети,
да не токмо навидети,
не хочеть про меня и слышети.

Ай, доселѣва мой милой другъ
какъ любил меня и жалывал,
имел меня, какъ свою душу в бѣлом телѣ.

Бывало, мой сердешной другъ,
гдѣ услышит про мила друга —
ой, не можетъ наслышатись,
где увидит мила друга —
тут не может на мила насмотретися.

Ай, нынечи милоя гдѣ услышит про мила друга —
тут не можетъ слышети.
и гдѣ увидить — тут не может видети.

Ой, Богъ над молодцом прогневался,
и сердешной другъ разкручинился.
Ой, не пламя розгорается,
розрывается *серце* ретивое,
слышечи про друга милова ...
неприятства друга милого,
что покинула меня моя милая, друга старога,
и выбрала моя сердешная друга нового,
ой, друга себѣ вѣрнаго.

О да и не то мнѣ, молодцу, досадно,
что на меня мой другъ кручинитца,

о том мнѣ, молодцу, досадно,
что меня оставляет,
бѣдную мою голову сокрушаетъ,
а иного себѣ друга выбираетъ.

Ой, выбрала друга новаго, друга вернаго,
прельстилась моя милая на ево слова лживыя.
Или тово мой милой друг не ведает,
что живетъ он с тобою неправдою, и душею льстивыною,
о кольцѣ онѣ насмѣхаетца,
говорит про мила друга безделицу.

Ой, тошно ль мнѣ, молодцу, замутошилося
и на сердцѣ мнѣ замутилося,
и в очах мнѣ, молодцу, помутилося,
слышечи про мила друга небылишную бѣзделицу.

Уж я молодець, моя милоя, я сокрушаюся,
горчае ль мнѣ пельни вогорчилося,
тошнее ль всякой тоски востошилося,
поминаючи любовь друга милова.

Уж ветъ я, молодець, сокрушился,
там меня кручина с ногъ меня свалила,
и со слез, мой другъ сердешной, ясны очи помутились,
загорелась во мнѣ сердешная искра,
сожгла мое сердце,
палит мою душу день и ночь непрестанно!

И, ай, вешний лед, друг, обломливой,
а новой друг обманчивой.